

Содержание

Синдром Бонни и Клайда	7
Эффект Воландеморта	17
Желание	
женщины	29
От психиатра к психиатру	47
По ту сторону ужаса	53
Слово предоставляется защите	63
«Я, Элизабет...»	83
Четыре часа признаний	89
Надлом.....	94
Самый первый раз	101
Новое кредо	108
Конец секретам	112
За время процесса.....	115
Осознание.....	120
Двадцать четыре часа из жизни Элизабет	125
«Любить его было преступлением».....	132
Голубоглазый убийца	139
Мужчина, который нравился женщинам	140
Нечто очень нездоровое	146
«Я люблю ее, это женщина моей жизни»	156
Женщина прячется	161

Мадам адвокат в гневе	167
Он уже не тот, кто убивал.....	173
Свидание за решеткой	179
Потому что она надзиратель,	
потому что он заключенный.....	190
Необычные клиенты.....	193
Любовники Клерво и другие истории... ..	197
Прихоть судьбы	207
Любительница криминалистики, гангстеров... ..	213
«Когда он рассказал мне свою историю,	
я на него наорала!».....	225
Акт II, сцена 1.....	229
Законный брак.....	235
«Та, что помогает мужчинам»	239
Двадцать семь лет она спасала любимого человека! ...	241
Словно встреча после разлуки.....	257
Когда собираются тучи.....	264
Четыре года отсутствия	269
От побед к поражениям.....	282
Наконец коснуться его, взять за руку, поцеловать.....	294
Заключение	297
Благодарности	301
Примечания	303

Синдром Бонни и Клайда

Этот ритуал неизменен. Как и в любой другой день, я сижу на своем рабочем месте, которым мне служит обеденный стол, и изучаю новости, читаю прессу, ищу данные, сопоставляю информацию, нахожу подтверждение своим выводам. Одним словом — готовлюсь к ежедневной передаче «Не трожь мой телик» (*Touche pas à mon poste*, TRMP).

Телевизор включен на каком-нибудь новостном канале — BFM, CNews, LCI или France Info. Я переключаю их по настроению или если попадаетесь интересный сюжет. Мой слух всегда где-то блуждает, пока взгляд скользит по статье. Я не умею работать без звукового сопровождения — из-за многих лет, проведенных в редакциях, где тишины не существует.

Репортажи сменяют друг друга в рваном, почти завораживающем круговороте, но внезапно лицо ведущего BFM искажает смесь жадного интереса и ужаса. «А теперь перейдем к делу Нордаля Лёланде», — объявляет он, не сводя взгляда с камеры. Что заставило его сменить интонацию?

Что завладело его вниманием — это имя? Или то немного постыдное влечение к «жареным фактам», которое присуще почти всем нам? Не знаю. А пока я смотрю на экран и слушаю отчет о заседании суда присяжных по делу Нордаля Лёланде, обвиняемого в похищении и убийстве маленькой Маэлис 27 августа 2017 года. Маэлис было всего восемь лет. В мае 2021-го этот бывший кинолог уже был осужден на 20 лет лишения свободы с обязательным трудом* за убийство молодого человека — капрала Нуайе. И вот я узнаю, цепenea, что он завел себе страницу в соцсетях, а главное — что он состоял в переписке с 17-летней лицеисткой. Первый шаг сделала она...

И это не все. Лёланде признал, что, находясь в заключении, дважды вступал в сексуальные отношения с посетительницей, некой «госпожой Г.», женщиной лет пятидесяти. Сейчас она об этом сожалеет. Говорит, что злится на себя за то, что «доставляла ему радость и удовольствие — материальное, эмоциональное и сексуальное»¹. Она порвала с ним несколько месяцев назад... «Она порвала с ним». Эта фраза банальна до неприличия.

Об этой женщине мы говорили в выпуске ТРМР несколько дней назад. Должна признаться, на тот момент я не слишком вникала в ситуацию. Сейчас же всеобщий интерес вызвал эксклюзив журналиста Оли Порри Санторó (мы познакомились с ним, когда я брала у него интервью по случаю выхода его книги): ему удалось добыть аудиозапись признаний госпожи Г., где та сообщала, что Нордаль Лёланде планировал бежать и скрыться в Магрибе, сделав

* Вид уголовного наказания во Франции, не имеющий прямого соответствия в законодательстве РФ.

пластическую операцию. Это показалось мне настолько фантастическим, что я задалась вопросом, реальна ли вообще подобная связь между убийцей и его посетительницей. Она сама-то в здравом уме? Или это мифоманка* с проблемами в осознании действительности?

После передачи мы с моей коллегой и подругой на все времена Жеральдин Майе еще долго пребывали в сомнениях.

— Странная история. Ты веришь тому, что она говорит?

— Не знаю. Но то, что я слышу на записи, не дает мне покоя.

После того разговора произошло столько всего, что об этой истории я забыла. И вот существование и рассказ этой женщины подтверждает суд присяжных! Я выключаю телевизор. Воцаряется непривычная тишина. Я сижу в раздумьях. В голове теснятся вопросы. Во мне борются возмущение и непонимание. Я уже разговариваю сама с собой. Кто эта госпожа Г.? Возможно, она знала Нордаля Лёланде еще до того, как он попал за решетку. Это объясняло бы, почему она продолжала ему писать, несмотря ни на что. Возможно, она пыталась понять, как он мог совершить такое. А как бы я поступила на ее месте? Писала бы я другу, который стал убийцей? Нет, не думаю. Впрочем, не знаю. Но она-то ему не только писала... А если она его не знала, зачем начинать такие отношения? А потом еще и спать с ним? Почему именно с этим мужчиной, который дважды совершил убийство, у которого руки в крови маленькой девочки? Чего она

* Мифомания — болезненная склонность искажать действительность, лгать, рассказывать выдуманные истории.

могла ожидать в ответ? Какие слабости за этим скрываются? Должен же быть какой-то мотив! Кто она — извращенка, сумасшедшая, больная? Это слишком просто. Все это только слова. Они не объясняют ничего или почти ничего. Да, слишком просто от всего этого отмахнуться. Есть что-то еще. Много чего еще.

Я пытаюсь отогнать эти вопросы. Но вернуться к работе трудно. Часть моего сознания застряла в этой истории. Возникает мысль пойти дальше, необходимость понять. В тот же вечер я закапываюсь в интернет. Я хочу убедиться. Каков масштаб этого явления, помимо случая этой госпожи Г.? Отличает ли этих женщин что-то особенное? А может быть, и вы, и я, и ваша мать, и ваша сестра, каждая из нас — мы все можем влюбиться в самых страшных преступников? Кто эти женщины, которые испытывают интерес, сочувствие, влечение и даже любовь к мужчинам, осужденным за убийство, изнасилование, детскую порнографию? Кто эти идолопоклонницы, служащие своеобразному культу кровожадных молохов? Ощущают ли они, что им поручена какая-то миссия? Или это проявление патологии?

С каждым вопросом я чувствую, что погружаюсь в мрачные глубины параллельного мира. Уже осознаю, что выберусь из них не скоро — меня манит непостижимая тайна, нечто, чего я не понимаю, во что отказываюсь верить, что пока ускользает от меня. Передо мной разверзается бездна.

Я поглощаю все новые страницы научной литературы и статей в прессе об этом явлении, которое, похоже, в основном имеет отношение к женщинам. Такое ощущение, что женщины не боятся убийц; миф о сексуальном «плохом парне» и женщине-искупительнице все еще актуален. А вот

мужчины редко вступают на этот путь. Женщины-убийцы их не привлекают. Они деспотичны и пугают их комплексом кастрации. В то время как женщины могут довольствоваться отношениями по переписке, мало кому из мужчин этого достаточно.

Гуманитарные науки неоднократно обращали внимание на этих «влюбленных». У этой безумной страсти есть имя: гистриофилия, она же синдром Бонни и Клайда. Это парафилия², при которой человек испытывает сексуальное и эротическое влечение к кому-то, совершившему отвратительное кощунство или преступление. Означает ли это, что такие женщины страдают патологией? Нет, отвечают медики. Они совершенно необязательно «ненормальные» или «больные», как поторопились бы сказать некоторые. Зачастую они прекрасно интегрированы в общество, образованны, у них есть работа, муж, дети, нет никаких «травм» — и все же они рушат свою жизнь ради отношений, не вписывающихся ни в какие нормы. У других эта схема сложнее, она состоит из опыта насилия, неустроенного детства в оковах депрессии и одиночества. Так что тема сложнее, чем кажется на первый взгляд. Меня не устраивает манихейский ответ — либо белое, либо черное; это невозможно. Мы находимся в серой зоне.

Спустя несколько дней, погрузившись в протоколы процессов и статьи, обнаруживаю, что это явление, которое я считала преимущественно американским, существует повсюду в мире, в частности в Европе. Некоторые женщины довольствуются письмами, другим необходимо идти дальше. Так я создаю своего рода кунсткамеру ужасов. Мое смятение растет с каждым новым открытием...

Андерс Брейвик, норвежский массовый убийца крайне правых взглядов, который 22 июля 2011 года убил более 77 молодых людей и ранил еще 150, получает около 800 писем в месяц! В Бельгии Марк Дютру, приговоренный к пожизненному заключению в 2004 году за убийства и изнасилования несовершеннолетних, похищение людей, преступный сговор и распространение наркотиков — ни более ни менее! — также получает огромное количество почты, где попадают письма девочек-подростков, нередко ровесниц его жертв. Плюс предложения руки и сердца, которые приходят к «убийце в восточном Париже» Ги Жоржу³ и убийце и насильнику Патрису Алегру⁴.

Пожалуй, один из самых показательных случаев — Лука Маньотта, «монреальский расчленитель». Притом что он открытый гомосексуал, его «фан-клуб» в основном состоит из молодых женщин. В их блогах с названиями «Лукаманьоттамоямечта» или, скажем, «Поддержим Маньотту» попадают просто сумасшедшие фото и заявления: «Люблю тебя, Лука», «Слишком прекрасен», «Он слишком красив, чтобы быть преступником», «Я влюбилась, как школьница», «Люблю тебя, мой малыш» (*sic*) и т.д. В 2014 году Лука Маньотта даже зарегистрировался на сайте знакомств! В анкете он заявляет, что ищет «своего принца, холостого мужчину 28–38 лет, белого, в хорошей спортивной форме. Хочу, чтобы он был верным, желательно образованным, финансово и эмоционально стабильным, для долгосрочных отношений»⁵. У меня буквально все переворачивается внутри.

Другие женщины идут намного дальше, предпочитая реальность отношениям по переписке — в конце концов, они слишком платонические. Так было с той молодой

американкой 30 лет, помолвленной со зловещим Чарльзом Мэнсоном⁶, старше ее на 50 лет, или с женщиной-анестезиологом из Франции, Беатрис Пуассан, матерью двух подростков, которая бросила все ради Дани Лёпренса, осужденного за убийство четырех членов семьи. Впоследствии она вышла за него замуж. Сейчас они разведены, но она убеждена в его невиновности⁷.

Я также обнаружила, что в США, в отличие от Франции, романтическую жизнь сидящим в тюрьме облегчают совершенно легальные сайты знакомств, соединяющие женщин и заключенных — в том числе тех, кто гниет в камере смертников. Существуют даже приложения, которые можно установить на телефон! Во Франции ничего подобного нет. Если вы хотите написать заключенному, у вас два варианта: либо по его делу ведется следствие, и тогда судьбу вашего письма решает судья, либо он уже осужден, тогда руководство исправительного учреждения читает всё и определяет, передавать ли ему ваше послание.

Психологи не преминули обратить внимание на этих «странных дамочек», пытаюсь понять их с помощью поведенческого анализа. По их мнению, предположительно, существует три типа женщин, влюбляющихся в преступников.

Первый психотип — женщина, верящая в прощение и искупление. Это то, что обычно называется эффектом Флоренс Найтингейл. Она альтруистична и хочет исцелить душевные раны. Она видит себя той, кто, благодаря своему терпению и преданности, поможет мужчине измениться, вернуться на путь истинный. Одним словом, это такая встреча добра и зла, битва ангела и демона.

Второй тип — женщина, страдающая от эмоционального одиночества, пережившая травмы, физическое, а то и сексуальное насилие. Такой роман может избавить ее от статуса жертвы — она меняет роль. Становится той, кто сам может контролировать другого. Такие отношения успокаивают ее, потому что преступник находится за решеткой. Таким образом она может переживать любовное волнение в полной безопасности. Она полагает, что защищена.

Наконец, третий тип — женщина, страдающая патологическим расстройством. Она ищет преступника из числа серийных убийц, насильников и т.д., чтобы привлечь внимание к себе. Хочет оказаться в свете прожекторов, даже пропущенном через призму антигероя. По сути, отношения для нее лишь предлог для удовлетворения потребности «быть хоть кем-то».

Три психотипа — и это всё? Да неужели? Слишком просто было бы этим ограничиться! Надо заметить, что человек — это такое тесто, из которого можно слепить что угодно. В этом его сила и его бесконечная сложность.

А значит, к этим трем категориям нужно добавить подкатегории, также три. Начнем с женщины, верящей в невинность убийцы: первая пребывает в отрицании. Далее та, кто признает преступление, но выступает за смягчающие обстоятельства: это не его вина, он был пьян, одурманен, находился под чужим влиянием, у него было трудное детство и т.д. Наконец, та, кто принимает мужчину и его преступления: с этим надо просто смириться.

Меня завораживает то, что я узнаю. Теперь я все вечера напролет раскапываю сайты знакомств для американских

заклученных, изучаю публикации криминологов и психиатров, читаю рассказы — всегда анонимные и часто отрывочные — тех, кто уступил «ангелу тьмы»...

Я знаю, что на этом не остановлюсь. Мне нужно идти дальше. Провести исследование, написать книгу. Я обсуждаю это с моим партнером, он обеспокоен: «Ты уверена, что хочешь в это влезать?» Он знает, что такие исследования небезобидны, что я впитываю информацию как губка, что история этих женщин перетрясет мне сознание, а возможно, и душу. Я все это осознаю. Но желание разобраться сильнее.

Надо обсудить это с издательницей, чей острый глаз и талант хорошо мне знакомы. Она-то мне и скажет, права ли я, что пускаюсь в подобную авантюру. Договариваюсь с Изабель Сапорта, генеральным директором издательства Fayard. Мы встречаемся в баре на улице Монпарнас.

— Да, дорогая, что ты мне хотела рассказать? У тебя появилась идея для книги? Слушаю тебя.

Я рассказываю ей обо всем: зародившаяся перед экраном телевизора идея, мои исследования, французы, американцы, письма, комнаты для свиданий, сайты знакомств, категории женщин, определенные психологами... Говорю быстро, вываливаю все кучей, вперемешку. Изабель внимательно слушает. Выдерживает крошечную паузу и восклицает:

— Отлично! У тебя есть тема и будет исследование! Но учти, здесь придется пахать...

Я натурально приплясываю на тротуаре, уходя от нее, но через несколько метров меня охватывает тревога. Что я наделала? По ее словам, тут непаханое поле работы. Я прикидываю масштаб задачи: куда идти, с кем встречаться.

А со мной вообще согласятся говорить? Все до единой истории, которые я до сих пор читала, были анонимными и крайне отрывочными. Но если у меня получится — вот это будет подвиг! Меня охватывает паника. И это только начало. Я стою перед Эверестом, которого до сих пор не замечала. Мне понадобится изрядное мужество, выносливость и упорство, чтобы взойти на вершину, обойдя стороной пропасти и отвесные склоны.

Эффект Воландеморта

— **Т**ак, значит, вас интересуют эти истории... Но зачем вам интервью, что вы с ним будете делать?

— Я уже объясняла — оно для моей книги.

— Ага, понятно...

Обходительный криминолог Ален Бауэр, загадочно ухмыляясь, сканирует меня взглядом, словно всем своим видом говоря: «В странные дела вы лезете, дамочка... Может и силенок не хватить...» Я могла бы ответить ему, что это не что иное, как законное любопытство журналиста, который вправе задавать вопросы и стараться понять, да и просто информировать. Но сейчас речь не об этом. Сейчас мне нужны конкретика, цифры, исследования. Хочу разумного объяснения, если в этой области оно вообще возможно. Одним словом — фактов, и ничего, кроме фактов.

Итак, я решила не искать вслепую и обратилась к этому известному преподавателю криминологии⁸, автору около 40 работ — от «Криминологии для чайников» и «Самых тупых преступников в истории» до «Общего введения в криминологию». Вот кто сможет дать мне надежный фундамент

для исследования и подробно рассказать об этих ненормальных отношениях, этом синдроме Бонни и Клайда.

Я не ошиблась. Он начал со... статистики. Да-да, статистики. А я ее так и не нашла, хотя вот уже несколько недель изучала десятки статей и исследований. Он единственный человек, который может мне об этом рассказать.

Что касается статистики, которую он сам назвал несколько специфической, то она относилась к почте, поступающей в тюрьмы. Было установлено, что три четверти писем подписано женщинами, влюбившимися в заключенных. И только четверть написана мужчинами, неравнодушными к правонарушительницам. «Эта статистика, — уточняет Ален Бауэр, — не учитывает гомосексуальные отношения — геев и лесбиянок, потому что в то время их не принимали во внимание. И все же можно сказать, что эти письма в тюрьмы — действительно показатель, заслуживающий внимания».

Значит, я была права. На самом деле это явление затрагивает в основном женщин. Пусть так. Но что такого особенного есть у женщин, чего нет у мужчин? Разве женское желание отличается от мужского? Это же устаревший штамп, разве не так? Но факты налицо. Женщины пишут преступникам в десять раз чаще, чем мужчины.

Ален Бауэр затрагивает и еще одну тему — связь заключенных с персоналом тюрем, а также со всеми женщинами, которые контактируют с ними по роду деятельности: тюремными медсестрами, преподавательницами, адвокатами... Он прав. Мне нужно будет изучить и это направление. Воистину, чем дальше я продвигаюсь, тем больше возникает вопросов. Но разве не в любом расследовании открываются

новые двери, даже если часть из них никуда не ведет и их приходится в итоге закрывать?

А что он думает насчет трех типичных профилей? И снова криминолог соглашается и развивает тему: «Да, существует три синдрома, психологи их изучили. Первый — синдром Бонни и Клайда: “Хочу быть плохой девчонкой!” Это синдром отличницы, пустившейся во все тяжкие на пьяной вечеринке. Второй — так называемый эффект Флоренс Найтингейл: “Я спасу его. Благодаря мне для него возможно искупление”. Разумеется, в итоге все получается иначе, так как спасение также ведет к побегу, отправке посылок, передаче документов, которые позволяют продолжать преступную деятельность».

Что до третьей категории, Ален Бауэр предпочитает говорить о ряде мини-синдромов, не вполне четко определенных, таких как своеобразный реванш над самой собой, к которому могут стремиться некоторые женщины, подвергавшиеся агрессии, в том числе сексуальной. Вступая в связь с преступником, который «выше» их агрессора, они чувствуют, что оживают сами. «Этот синдром еще не до конца определен. О нем пишет американский автор Шейла Айзенберг»¹⁰, — объясняет Ален Бауэр. По ее мнению, это желание избавиться от статуса жертвы, чтобы в некотором роде обрести статус сообщницы и больше не быть униженной сексуальной или иной агрессией. Конечно, это не объясняет все подобные поступки, но позволяет лучше понять явление.

С самого начала беседы меня мучит вопрос: неужели все женщины способны влюбиться в преступника? Вот, например, я... Не успеваю я закончить фразу, а Ален Бауэр уже

улыбается: «Конечно. Возьмем, к примеру, вашу передачу: когда ваши коллеги голосуют, все понятно: вот у вас экраны, вы видите разброс голосов и варианты объяснений. Если бы вы задали такой вопрос о разных типах заключенных — знаете, вам понадобилось бы гораздо больше вариантов ответов. И вы, что вполне естественно, получили бы очень неожиданные результаты, особенно среди знакомых. Например, вопрос не в том, “влюбилась бы ты в Нордаля Лёланде”; вы спрашиваете: “Ты бы посетила тюрьму?” или “Можно ли их спасти?” — и опять-таки получаете очень неожиданные ответы».

Возможно. Я знаю, что способна к сопереживанию, восприимчива к чужим эмоциям. Мне понятен этот дискурс. Я знаю, что теоретически могу растаять при виде руки, протянутой за помощью. Но сама по себе я не брошусь ни с того ни с сего хватать ручку, писать страстное письмо и посылать его серийному убийце! Ален Бауэр отвечает мягко, словно не хочет напугать больного ребенка: «Вы сами не знаете... Несколько недель назад вы делали передачу об актере, которого обвиняют в изнасиловании, — видели реакцию на вашей же платформе? “Он такой симпатяга... Мы его знаем... Милый... Забавный... Сексуальное насилие? Нет, не могу поверить”. А на самом деле это, возможно, опаснейший сексуальный хищник за последние 20 лет... Или же он вовсе не виновен! Лично я из принципа ни о чем не составляю мнения заранее, мой девиз — “Ничего не принимай как данность, ничему не верь, все проверяй”¹¹. И только потом можно прийти к какому-то выводу. Даже с худшим из убийц никогда нельзя быть уверенным. Всегда нужно изучать, исследовать. В нашем случае может быть то же самое: кто-то сомневается, кто-то все отрицает... Возьмем

Николя Юло* — большинство представителей государственной власти, включая госпожу министра по делам женщин, принялись отчаянно защищать “бедного Николя Юло, он ведь стал безусловной жертвой”. Так что мы ничего не знаем и знать не можем».

По мнению криминолога, проблема здесь в попадании на крючок. «Посмотрите, как возникает схема Понци¹², — объясняет он. — Например, хотя нам приходит куча ежедневного спама, тысячи людей отвечают вот этому полуголому парню, который застрял в какой-то там дыре, зато очень красив и хорошо сложен, и ему нужно 50 евро на возвращение домой, а потом 500, а потом 5000, и, конечно, он все отдаст наличными, как только вернется, — а на самом деле все это происходит в интернет-кафе в Киншасе! Что касается жертв — тут не только глупые и наивные люди. В схеме Понци встречаются и крайне умные и богатые индивидумы, которые попадают на удочку более ловких манипуляторов, чем они сами. Понятно, что важен первый шаг. Его можете сделать только вы, при этом вы не знаете автора лично. По всем этим причинам жест сострадания может привести к манипуляции и зависимости».

Незамысловатый образ чокнутой, влюбленной в преступника, разлетелся вдребезги. Значит, разгадка в попадании на крючок. Поддаться может любой. Более того — и хуже того — здесь присутствует своего рода манипуляция. Но кто

* Французский политический и государственный деятель, министр комплексных экологических преобразований (2017–2018). В 2021 году несколько женщин обвинили Юло в сексуальной агрессии, после чего он объявил об уходе из общественной жизни, но подчеркнул, что не совершал указанных деяний.

кем манипулирует? Кто делает первый шаг? Преступник или влюбленная женщина?

— Одно другому не мешает, — отвечает Ален Бауэр. — Я всегда привожу в пример людей, которых обманул Бернард Мейдофф¹³, потому что здесь мы не затрагиваем сексуальную сторону вопроса и остаемся в области денег и желания наживы. Большинство жертв хотели заработать денег, невероятно много денег; Мейдофф ими манипулировал. Они в той же степени сообщники, что и жертвы. Манипуляция и зависимость тесно переплетаются друг с другом. Как в случае наркоторговца и потребителя, преступника и жертвы. Я за запрет наркотиков, но считаю, что нельзя ставить знак равенства между зависимыми и распространителями. Надо одновременно и лечить больных, и бороться с преступниками. Это две разные темы. Первая — из медицинской и социальной области, вторая — уголовная. Так вот, здесь у нас та же история: женщина влюбляется, позволяет собой манипулировать, обворовывать себя, да, она влюблена, но от этого она не в меньшей степени жертва. А женщины, которые становятся жертвами воровства, вымогательства, обмана и т.д., — это вообще стародавняя история! Вся греческая трагедия строится на этом.

Все, разговор окончен? Смотреть не на что, едем дальше? Определенно нет. Как насчет табу на смерть, которое нарушают эти влюбленные женщины? Ведь они любят мужчину, который убивал, разве не так? Как может женщина смириться с тем, что мужчина, которого она любит, неоднократно насиловал, пытал, убивал — особенно если речь идет о детях? Почему эти блоки слетают? Как у этих женщин

получается, словно ластиком, стереть образы, наполненные кровью, страхом, криками? Как им удастся не бояться звериной сущности мужчины, перед которым они испытывают какое-то болезненное преклонение?

— Очарование зла, — без тени сомнения отвечает криминолог. — Вот это неодолимое очарование ужаса, которое можно назвать эффектом Воландеморта, говоря языком поклонников «Гарри Поттера». Иными словами — почему люди переходят на темную сторону Силы? Это обаяние, момент колебания между добром и злом, как и момент, когда человек отворачивается от зла, потому что добро должно победить, — в этом вся мифология, вся история человечества. Противостояние света и тьмы — неотъемлемая часть человеческой души. Похоже на то, как мы объясняем детям, что не надо совать пальцы в розетку, а они все равно суют, чтобы посмотреть, что будет. Так же и с этими людьми: они делают совершенно невозможные вещи, вы объясняете им, что так делать нельзя, а они все равно делают. Так это работает. Проблема начинается, когда они снова берутся за свое. Вопреки распространенному мнению, большинство преступников не повторяют содеянного. Если точнее, таких 66%, то есть две трети, а треть пойдет на преступление еще хотя бы раз. Вся суть в том, чтобы остаться в зоне первых двух третей.

Если я правильно поняла: большинство женщин, влюбленных в преступника, надеются, что им попался кто-то не из числа рецидивистов, ими движет чувство сострадания, искупления, справедливости и/или страсти. Для кого-то это связано с травмами. А социальный уровень в расчет не берется.

С самого начала беседы мы говорили о синдромах, эффекте сиделки, о тяге к опасности, запретах, искуплении, манипуляции, зависимости... А где во всем этом любовь? Даже само слово пока не прозвучало. Мужчины, отбывающие срок за убийства, испытывают любовь к этим женщинам?

— Случаются и настоящие романы, — объясняет Ален Бауэр. — В конце концов могут действительно возникнуть пары. Но у убийства много категорий, обычно это единичные преступления — было установлено, что процент повторных убийств очень низок, пожалуй, из всех преступлений он ниже всего. Примерно 60–70% преступлений совершаются на почве ревности. Человек убил любимого мужчину или женщину и понес за это наказание. С серийными убийцами другая история. Будем ли мы им мстить? Будем ли наказывать их? Будем ли возвращать в общество? Вот главная дилемма нашей судебной системы. Это три совершенно разных вопроса, а мы пытаемся одновременно решать их все. Очень мало преступников совершает побег при разрешенной отлучке, количество несоблюдений правил невелико. Франция — старая католическая страна. У нас очень сложные отношения с наказанием, в отличие, например, от протестантов. И все это нужно учитывать, чтобы раскрыть столь непростую тему. Но в тюрьме или за ее пределами люди находят друг друга, и их отношения такие же прочные, как в обычной жизни.

Я в изумлении. Я представляла — возможно, слишком наивно, — что мужчины-преступники воспринимают этих женщин как «отдушину», окно во внешний недоступный мир, как передышку, и не влюбляются, а вот женщины искренне увлечены. Мое видение было двойственным: с одной стороны — мужчина с конкретными целями,

с другой — женщина-жертва. Но приходится поверить, что иногда из этих встреч могут вырасти настоящие истории любви.

И все же мой рациональный ум отказывается сдаваться. Интересующая меня тема, ради которой я и взялась за эту книгу, — это не «классические» преступники, если можно так выразиться, а как раз серийные убийцы. Речь идет о далеко не разовом преступлении. Эти женщины в полной мере осознают, с кем имеют дело? Они точно понимают, что эти мужчины, превратившиеся в палачей, делали со своими жертвами, со своей «добычей»? Знаю, я повторяюсь, — вероятно, потому, что не могу получить удовлетворяющего меня ответа на этот вопрос. Вопрос, который я еще не раз задам своим собеседникам, какова бы ни была их специальность, потому что он не просто интригует — он тревожит меня, как и должен тревожить, беспокоить, возмущать, ужасать любого нормального человека. Как эти женщины позволяют себе отдаться любви, как они осмеливаются?

— Думаю, у вас есть подруги, которые были уверены, что встретили любовь всей жизни, при этом вы знали, что он подлец, мерзавец, подонок и все такое, — парирует Ален Бауэр. — И вы, конечно, пытались донести до них свои мысли, но, как правило, это не срабатывало. Так почему в этом случае должно быть иначе?

Я улыбаюсь. Он опять попал в цель. Но я не могу признать поражение.

— Однако речь идет о невероятно жестоких убийствах!

— Кто не хочет видеть, не видит, — с грустью отвечает он. — Знаете, есть такая техника в боевых искусствах: если вы хотите использовать силу противника, надо поколебать

его уверенность в самом себе и ждать, пока сомнение одолевает его. Этот способ медленнее, дольше, но позволяет выигрывать.

— То есть всегда есть что-то вроде зависимости?

— Это основная составляющая. Но зависимостью не просто страдают, она формируется. Есть фактор «доброй воли». Надо самой побывать в таком положении. Так бывает с женщинами, которых я отнес к третьей категории, пережившими, в частности, сексуальное насилие, — в некотором роде они берут реванш, вступая в связь с преступником, который «выше» агрессора, и внезапно чувствуют, что и сами оживают. У уязвимости к психопатии есть много причин.

— Но есть ведь женщины без травм, такие же, как я, с семьей, детьми. Ну вот, например, та женщина-анестезиолог, которая уверена, что Дани Лёпренс невиновен: она стала с ним переписываться, влюбилась, даже вышла замуж...

— В данном случае мы имеем дело с синдромом Флоренс Найтингейл. — Ален Бауэр по-прежнему невозмутим. — Это не просто спасительница души — она убеждена в судебной ошибке. И здесь мы встречаемся с существенной категорией. К ней также относятся те женщины, которые хотят спасти приговоренных к смерти в США, потому что в глубине души они «знают», что те невиновны, ведь иногда это действительно так — известны случаи, когда некоторые были приговорены к смерти по сфабрикованным доказательствам или вообще без них! Скорее это даже синдром адвоката...

— ...которая убеждает себя в их невинности, а так это или нет — неважно?

— Да. Плюс большой талант к самообману.

— Мы удаляемся от истории любви и переходим скорее к судебному противостоянию, где любовь всего лишь один из элементов. И у меня такое впечатление, что речь в большей степени идет о потребности что-то исправить...

— Именно так. Исправить судебную ошибку, вытащить из тюрьмы невиновного. Конечно, лучше бы этот невиновный ни в чем не признавался...

И вот по ходу нашей беседы я начинаю постигать целый мир, одновременно очень далекий от меня и очень знакомый. То, о чем мне говорит Ален Бауэр, имеет отношение к банальным до трагичности человеческим побуждениям. Этакая современная греческая трагедия.

Прежде чем снова оставить криминолога наедине с его папками, я решила поделиться с ним одним открытием, поразившим меня при чтении статей.

— Во всех свидетельствах, которые я читала — вне зависимости от типа женщин, — повторяется одна и та же фраза, тянется своего рода красная нить, общая для всех, когда они говорят о мужчине, в которого влюблены: «Он не тот, кем кажется, вы не знаете его так хорошо, как я, он не такой, каким его описывают, мне говорили, что он чудовище, а он такой милый, внимательный... и т.д.».

— Да. А Адольф Гитлер был добряком! — с торжествующей улыбкой отвечает Ален Бауэр, наслаждаясь произведенным эффектом. И продолжает: — Вот они, чудеса человеческого разума, — сделать можно все, оправдать можно все, не ложью, так убеждением. Прекрасная штука любовь, — заключает он, глядя на меня, остолбеневшую.

Я улыбаюсь. Он беззлобно посмеивается надо мной и над моими выпученными глазами. И он прав. Мне внезапно кажется, что я в полной мере поняла смысл выражения «У любви есть свои причины, которые разум игнорирует».

Я ухожу, продолжая думать об образе из греческой трагедии. Ведь действительно, есть что-то в высшей степени трагическое во всех этих историях, у которых не может быть счастливого конца, — во всяком случае, на мой взгляд. В историях, где бурлят страсти, где смешаны кровь, слезы и самые крайние проявления чувств, от самых благородных до самых гнусных. Я уже предчувствую, что приближаюсь к главным действующим лицам трагедий, которые разыгрываются за высокими стенами, увитыми колючей проволокой.

Мне придется броситься в омут с головой, отправиться туда, где все происходит, — в глубины человеческой души. Пришло время заглянуть к психиатрам: логичное продолжение моего исследования.

Желание женщины

Сегодня понедельник. Солнце сияет вовсю, хотя еще только начало апреля. Я стою у небольшого здания в XII округе Парижа. Мне не терпится познакомиться с Большим Зет. Я звоню в дверь и прохожу в крошечную, немного выцветшую приемную. Я здесь одна. Время идет. Неважно. Как раз успею проглянуть вопросы...

Если и обращаться к психиатру, то к нему. Даниэль Загури — один из самых известных судебных экспертов. Он автор двух книг, которые привлекли мое внимание: «Мозг серийного убийцы»¹⁴ и «Обыкновенные монстры: Преступления обычных людей»¹⁵. Вот уже 30 лет он выносит заключения по делам, попадающим на первые страницы судебной хроники. На протяжении 30 лет ему доверяют экспертизу преступников, совершивших самые громкие преступления. 5000 дел — это вам не какой-то рядовой психиатр! Дети-матереубийцы, матери-детоубийцы, убийцы-извращенцы, насильники, убивающие своих жертв, серийные убийцы и террористы не способны скрыть от него что-либо, а СМИ прозвали его «психиатром ужаса». В числе прочего,

он выступал свидетелем в судах над Ги Жоржем, Патрисом Алегром, а также Мишелем Фурнире — отборными кровавыми психопатами.

Этот человек невероятно востребован. Я зубами выгрызала эту встречу. Пришлось задействовать подругу, которая с ним, чтобы донести сюжет моей книги и просьбу о беседе. Он не возражал против нашей встречи. Я послала ему сообщение длиной в целую главу, где объяснила свою задачу. Прошел день, два, три... ответа нет. На десятый день я не выдержала и отправила письмо еще раз. Еще через двое суток пришел лаконичный ответ: «Добрый день. Предлагаю встретиться в понедельник, в 9:30, в моем кабинете. Метро Пикпюс. С наилучшими пожеланиями». Я на седьмом небе от счастья. У меня было две недели, чтобы подготовить вопросы.

Наконец появляется Даниэль Загури, улыбается и решительно протягивает мне руку. Комната, где он принимает меня, небольшая. Письменный стол да два кресла друг против друга.

Он меня не разочаровал. Он такой, каким я его себе представляла, или, точнее — неважно, насколько обоснованно, — каким я представляла себе психиатра. Кругленький, растрепанный, с насмешливым и снисходительным взглядом — и в то же время в нем есть что-то успокаивающее, вероятно из-за густых седых усов, скрывающих губы. На нем, конечно же, вельветовые брюки, шерстяной свитер крупной вязки, наверняка очень уютный. А вот что несомненно: этот человек сразу же внушает доверие.

Он начинает с провокации, с широкой улыбкой предупреждая меня своим мягким голосом: «Эта тема пробуждает во мне женоненавистника». Теперь улыбаюсь

уже я. Судя по всему, он не против поиграть в мою игру. Эта тема его увлекает. Он не деликатничает. Тем лучше. Психиатров всегда представляют сдержанными, тщательно выбирающими выражения, чтобы высказать нелицеприятную правду. Но это не его случай. Он не боится вас задеть. Он ироничен, но ни капли не зол, чувством юмора владеет в совершенстве. Нужно остерегаться людей без чувства юмора. А у него с этим все в порядке, и это обнадеживает.

— Да-да, — продолжает он, — хорошим милым парням, вроде меня, приходится из кожи вон лезть, чтобы заинтересовать хотя бы одну женщину, но, если ты убиваешь, расстреливаешь, режешь на куски — у тебя очередь за дверью!

Пауза. Я не ожидала такого. А он продолжает, и первый вопрос — тоже от него:

— Вот вы в кого были влюблены в третьем классе*?

— В плохиша, — смеюсь я в ответ. — В двоечника с задней парты, который всех веселил...

— Вот! — торжествует Даниэль Загури. — А не в того прыщавого ботаника с высшим баллом по латыни. Надо уточнить, что влечение к плохим парням у некоторых женщин бывает сильнее и случается чаще. Но тут есть кое-что гораздо глубже: это природа женского желания. Вообще, говорить о «женском» — это глупость. Лучше сказать, что это желание некоторого количества женщин, и сила этого желания должна преобразить мужчину, которого они любят. Например, женщины, которые влюбляются в гомосексуалов, хотя знают, что у них нет никаких шансов. Но они не отступают — их влечет сила желания. Стать первой женщиной, которую он захочет, превратить мерзавца в ангела...

* Соответствует восьмому классу в российской системе образования.

О-о, та самая тема, которая может вызвать много споров: желание женщины. Выходит, все идет отсюда. От первородного греха. Но это же просто сексистский предрассудок? Я уже слышу голоса феминисток: «Что? Все дело в желании женщины? Получается, опять, как всегда, во всем виноваты женщины? И что, это желание чем-то отличается от мужского?»

Как прилежная ученица, я упоминаю эффект Флоренс Найтингейл, о котором говорил Ален Бауэр. И промахиваюсь.

— Нет, — объясняет он. — Это другое. Флоренс Найтингейл — это про исправление другого, а на самом деле — исправление себя. Синдром спасателя: «Я почию сломанного человека. И тем самым почию себя». А я вам говорю о желании такой силы, что оно преобразит другого, возвысит, сделает тем, чем он не является. «Передо мной стоит дьявол, но я сделаю его ангелом. Мое желание сильнее всего, оно все преодолеет и все преобразит». Это магическое желание, которое возвышает, желание творческое, которое преобразает. «Вначале у меня был мерзавец, а в итоге получился потрясающий парень».

— То есть некоторые женщины чувствуют потребность подлететь к этому огню слишком близко, даже если рискуют обжечь крылья?

— Именно так. Причем они уверены, что просто не могут обжечь крылья. Задаются ли они вообще этим вопросом? При всем при том женщин, которых привлекает зло ради зла, очень мало.

Я снова возвращаюсь к вопросу, который не дает мне покоя с начала расследования: а мы — моя лучшая подруга, вы,

мои читательницы, моя мать или я сама — тоже можем поддаться искушению, раз уж речь у нас зашла о «желании женщины»? Даниэль Загури отвечает уклончиво:

— Я вам сейчас расскажу совершенно невероятную историю заключенного, чью экспертизу я проводил, — он убил двух своих жен. Пока он сидел в тюрьме, в него влюбилась посетительница и даже вышла за него замуж. И через две недели после освобождения он убил ее тоже!

— Но почему она с ним связалась? Это же безумие!

— Безумие — но и вызов! «У меня так не будет, потому что я буду любить его иначе, у нас будут другие отношения, я изменю его». Если только у этой женщины не было неосознанного стремления к самоубийству — а я думаю, что не было, — вероятно, она чувствовала именно это: «Со мной будет по-другому». Тут еще может примешиваться религиозный оттенок... Каждый случай особенный, у каждой из этих женщин своя история. Это важный момент, о котором не стоит забывать.

Итак, все-таки существует нечто общее — желание женщины, — но не существует типичного портрета женщины, способной влюбиться в преступника. «Нет никакого типичного портрета, — подтверждает психиатр, — только комбинаторика и специфика: вот эта женщина вот с этим мужчиной вот в этих обстоятельствах. Но определенно есть и что-то вроде влечения к плохому парню, тяги к переходу границ, потребности в восстановлении, преобразования желанием. А дальше надо каждый случай рассматривать отдельно. И избегать обобщений».

Я предлагаю Даниэлю Загури изучить свидетельства, которые смогла собрать в ходе исследования, начиная с дела

Нордаля Лёланде. Напоминаю ему о женщине, появившейся во время первого процесса, — некой госпоже Г., которая рассказывает, что смотрела по телевизору первый следственный эксперимент по восстановлению обстоятельств убийства капрала Нуайе и слышала, как разъяренная толпа скандировала «Повесить его!». По ее словам, она была потрясена, что к человеку могут так относиться. Ей, предположительно, около 50 лет, работает она в социальной сфере. В итоге она не просто написала Лёланде — она встретилась с ним и влюбилась в него. Она даже занялась с ним сексом в комнате для свиданий. И еще одну черту она перешла, передавая ему телефоны, наркотики и деньги. Насколько мне известно, их роман продлился два с половиной года. Но к этому я еще вернусь.

Даниэль Загури слушает меня, прикрыв глаза. Он рассуждает вслух: «С ней я экспертизу не проводил, но, предположим, внезапно нечто придало ее жизни смысл, столкнулось с каким-то другим очень сильным личным чувством — о нем я ничего не знаю. И когда она слышит “Смерть ему! Смерть! Смерть!” — она ощущает, что для нее и для ее судьбы жизненно важно принять на себя роль той, кто докажет, что этот человек достоин человеческого отношения. Как она до этого дошла? Не представляю. Тут нужно знать ее лично».

Мне хочется встретиться с этой женщиной. Я хочу узнать, в какой момент ее жизнь покатилась под откос. Я пойду на все, чтобы найти ее и поговорить с ней.

Я перехожу к другой истории из прессы: истории некой Лоранс, первой «возлюбленной» Патриса Алегра в тюрьме в 2009 году. Тогда ей было 38 лет. «Я знаю, кто он такой,

но Патрис Алегр — серийный убийца — это его другая жизнь, а я знаю Патриса-человека»¹⁶. Я спрашиваю Даниэля Загури, как ей удастся проводить эту грань.

— Патрис Алегр... я проводил его экспертизу, — со вздохом отвечает он. — Конечно, он «не только это» [серийный убийца], но именно «это» стало причиной, по которой она пошла к нему. Она пошла, потому что в нем есть «это», но чтобы доказать, что в нем есть «не только это». Короче, как бы сказать... Нельзя завести роман исключительно с доктором Джекилом, забыв, что позади него стоит мистер Хайд. Это невозможно — ведь привлек ее мистер Хайд.

— Удивительно то, что она не одна такая. Патрис Алегр в заключении пользуется успехом. После этой истории у него были и другие — а ведь он сидит в тюрьме и осужден за пять убийств и шесть изнасилований!

Первой «возлюбленной», чьи следы я нашла в прессе, было тогда 38 лет. Уже не девочка. Что не мешает ей заявлять: «Я влюбилась, как 15-летняя девчонка, до смерти. Я хочу, чтобы мы жили, и жили вдвоем. Он оступился в начале жизни, но это человек, у него есть право на второй шанс»¹⁷. Я в сильнейшем замешательстве, в чем и признаюсь.

— Подождите-ка! — отвечает Даниэль Загури, выпрямляясь в кресле. — Это надо понимать буквально. Она говорит, что до смерти влюблена. Пусть так. Но она до смерти влюблена в человека, убившего нескольких женщин! И этим сказано если не все, то довольно многое.

Он прав. Порой необязательно иметь медицинское образование, чтобы понять то, что и так бросается в глаза...

Я продолжаю. Когда администрация тюрьмы отказала этой женщине в посещениях, она заявила в прессе, что